

© 2013 г.

Борис Рахаев

кандидат экономических наук, доцент

(e-mail: rahaevbm@mail.ru)

Базынан Бизенгин

доктор экономических наук, профессор

(e-mail: r3bizengin@mail.ru)

(Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
им. В.М. Кокова)

КРИТЕРИИ И ИМПЕРАТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, КАК И ЗА СЧЕТ ЧЕГО МОЖНО ДОБИТЬСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

В статье рассматривается один из тех вопросов, которые представляют сегодня наибольший интерес: за счет чего и как можно обеспечить экономический рост в будущем? Чтобы получить ответ на него, нужно изучать мировую историю экономического развития. Но ценность выводов из таких исследований снижается из-за того, что весьма редко обращают внимание на экономическое мышление и логику. А именно исследование взаимоотношения мышления, логики и экономики может в значительной мере способствовать получению правильного ответа.

Ключевые слова: мышление, логика, экономика, экономическая теория, основные этапы становления современной экономической теории, этапы становления современной научной логики, соотношение между эволюцией систем логики и экономической теории.

Наблюдение за развитием обществ показывает, что основу их экономической динамики в разное время определяют разные факторы и условия. В одном случае это концентрация рабочей силы, в другом – запасов сырья, в третьем – географическое и геополитическое местоположение, в четвертом – техника и технологии, в пятом – институты и система национальных ценностей и т.д. Все перечисленные факторы взаимодополняют друг друга, они функционируют как участники эстафеты. На каждом этапе наблюдается своеобразное взаимоусиление, мультипликативность, последовательная сменяемость и т.д. Но это на региональном, страновом уровне. А как обстоит дело в глобальном и историческом плане? Экономический рост и экономическое развитие, которые наблюдаются на планете в последние три столетия, оказываются несопоставимы ни с

одним другим известным периодом писаной истории человечества. Экономический рост и хозяйственное развитие, которые демонстрирует так называемая «западная цивилизация» с XVIII в., оказались несравненно более высокими, динамичными и масштабными по сравнению с другими континентами и цивилизациями. Существует утверждение (принявшее характер стереотипа), что прогресс в развитии производительных сил, и в первую очередь в технике и технологии, стали основой западной модели экономического развития и роста.¹ В то же время не следует забывать, что прогресс экономики сопровождается (иногда с опережением) прогрессом человека как производителя (рабочей силы) и как потребителя. Постсредневековый европейский человек стал больше потреблять (у него возникли новые потребности и вырос спрос на новые продукты). Но он же стал больше производить, и как рабочая сила он оказался на порядок выше, чем его предшественники. Гигантский рост потребления и производства становятся важным фактором экономического роста и развития. Но это не все и, полагаем, это не главное.

Известно, что европейское развитие использовало технические и технологические новации, сырье, рабочую силу человека, институты, систему национальных ценностей и т.д., которые были известны во многом задолго до этого. Колесо, парус, пар, уголь, нефть, железо, бумага, книгопечатание, часы, специализированная рабочая сила, кооперация, бюрократия, деньги, (в т.ч. бумажные), торговля и т.д. были известны задолго до того как их открыли европейцы. Но в Египте, Китае, Вавилоне, Греции и т.д. они выступали либо как предмет забавы, либо как орудие уничтожения, либо как нечто второстепенное и вообще случайное для экономики, и только в постсредневековом европейском сознании они стали важнейшими элементами, производительной силой общества. Стало

¹ Впрочем, не все придерживаются взгляда о доминировании техники в экономическом развитии западной цивилизации. «Техника – условие необходимое, но, вне сомнения, недостаточное» – название одного из параграфов известного труда Ф. Броделя, в котором логично и аргументировано, со ссылкой на «историографию последних лет, которая располагает солидными аргументами для того, чтобы перестать видеть в ней (технике) *первичный двигатель* (*primum mobile*) или даже *затравку*», Ф. Броделем сделано весьма ценное заключение: «эффективное техническое применение, по существу, запаздывает по сравнению с общим развитием экономической жизни; оно должно дожидаться, чтобы включиться в нее, его следует добиваться – и скорее дважды, чем единожды, – четко и настойчиво». Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Том. 3. М.: Прогресс, 1992. С.584. Своеобразная реципрокность наблюдается так же и по другим факторам.

быть, решающее значение имеют не материальные условия (сырье, материалы), рабочие руки, техника, местоположение и т.п., а сознание, точнее, мышление человека.¹ Именно благодаря тому, что постсредневековый европейский человек «получил» иное мышление, чем до него и при нем соседи по планете, европейское общество («западное») достигает тех результатов в области экономического развития, которые позволили быстро оформиться западной цивилизации и с XV–XVI, частью же XIX в. доминировать.² Отдельные аспекты данного явления всемирной истории мы намерены изложить в настоящей статье.

Обобщение теоретических исследований и эмпирических данных общественного развития позволяет заметить, что, во-первых, прогресс в экономике связан не столько с наличием сырья, материалов, рабочих рук, технических средств, природными и погодными условиями, местоположением территории и т.п., которые люди находят и с которыми живут на той или иной территории, сколько *со способностью людей к их хозяйственному использованию*.

Во-вторых, превращение условий в факторы производства/экономики становится возможным даже не с открытием новых природных явлений, технических средств и технологий и т.п., а с изменением стиля мышления, логических принципов поведения человека, изменением содержания базисных категорий и принципов, с помощью которых человек мыслит, осваивает и усваивает окружающий мир, интерпретирует те или иные явления природы и общества и моделирует их, определяя будущее.³

В-третьих, теснейшая связь мышления и логики с хозяйственной практикой – не какое-то «случайное совпадение обстоятельств», не поверхностное и преходящее положение вещей, а закономерный процесс, необходимость, исходящая от человека: человек выступает активным элементом экономики не только как потребитель продуктов экономики и

¹ Ф. Бродель замечает, что достижения в сфере разума волновали (стимулировали) воображение людей сильнее, чем достижения в области техники и технологии. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3-х ч. – М., 2002–2004.

² «По сути, – пишет Г. Киссинджер, – Китай производил большую часть мирового ВВП, по сравнению с любой европейской страной, на протяжении восемнадцати из последних двадцати веков. Еще в 1820 году он производил более 30 процентов мирового ВВП, что превышает ВВП Западной и Восточной Европы, а также Соединенных Штатов, вместе взятых». Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2013. С.27.

³ Подробнее см.: Рахаев Б.М., Калабекова К.А. Природа и характер объективности экономических знаний // Журнал экономической теории. – 2013. – № 2.

не только как рабочая сила, которая посредством труда осуществляет объединение сырья, материала, техники, природных условий и получает определенные продукты, но и как производитель особого способа выражения этого процесса – идеального образа данного процесса, по образу и подобию которого ведется хозяйственная деятельность, организуется экономика. Мышление и логика не просто присутствуют в экономике, они вплетены в хозяйственную деятельность человека, являются сердцевинной экономического развития, стилем хозяйствования и экономического развития. Мышление и логика выступают основой экономического развития территории, т.к. не только без некоторых, но даже без многих из перечисленных элементов территории могут демонстрировать динамичное экономическое развитие, но без наличия прогрессивного мышления нет ни одной территории, которая бы имела высокий уровень экономического развития.

В-четвертых, кризис хозяйствования, который наблюдается периодически, в т.ч. в последнее время, связан (и даже обусловлен в значительной степени) с «формами» мышления и логики. Замечается, что как только мышление и логика обретают новые «формы», так происходит разрешение кризиса и «открывается» поступательное развитие. Но если в мышлении не происходит прогресса, экономическое развитие нации стагнирует. Следовательно, выход из экономического кризиса не в поиске новых запасов сырья, новых рынков сбыта произведенных продуктов, новой рабочей силы и даже новой техники, технологии и новых видов сырья, – а прежде всего в открытии и внедрении в практику новых прогрессивных форм мышления и логики.

Таким образом, мышление и логика играют важную, а порой решающую роль в экономическом развитии общества. Но каков механизм работы этого инструмента в экономике, как, каким образом и за счет чего мышление и логика формируют экономический рост и определяют экономическое развитие? В литературе на этот счет высказываются разные мнения. Одни мышление и логику наделяют статусом демиурга, другие полагают, что выполняют сугубо второстепенную, вспомогательную роль. Следовательно, можно констатировать неоднозначность понимания природы и характера мышления и логики применительно к экономическому развитию.

Определений мышления много. Не вступая в дискуссию о дефиниции, будем понимать под мышлением специфический – с помощью абст-

ракий – способ познания человеком действительности, определяемый свойствами и закономерностями этой действительности, взятыми в развитии. В соответствии с данным определением нами исследуется научное мышление, для которого характерны определенность, последовательность и доказательность.

Современное западное научное мышление формируется последние 600–500 лет и может быть определено как постсредневековое.¹ Отличительной его чертой является освобождение от формализма и схоластики и становление на путь наблюдения, эксперимента и системности. Исследования У. Гилберта, Г. Галилея, Э. Торричелли, Дж. Кассини, О. Рёмера, Э. Галлея, О. Герики, Р. Бойля, У. Гарвея, Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Паскаля, Э. Ферма, И. Ньютона, И. Лейбница и других, заложившие основу постсредневекового европейского научного мышления (в котором наблюдения и опыт становятся подлинными источниками знаний), являются вехой в развитии научного мышления. Именно это направление утвердило в мышлении представление о причинной обусловленности всяких изменений и идею изменчивости мироздания – фундаментальную идею мышления.

Правда, системность в мышление внедряется не сразу, а постепенно. К тому же у большинства первых постсредневековых мыслителей эмпи-

¹ Вопрос о временных границах современного западного мышления отнюдь непростой и вовсе не решен окончательно. Особенно это относится к определению начальной границы, т.е. с какого века начинать его отсчет? В различных источниках дается разное определение начального периода и тем более базисного элемента в становлении западного научного мышления. В большинстве исследований своеобразным поворотным веком признается XVII в., давший феноменальные открытия в области математики, механики, физики, электричества, оптики, химии, биологии, медицины, физиологии, энтомологии, ботаники, почти во всех существующих ныне науках. Главное (и это, очевидно, является самым важным фактом для точки отсчета) – признание опыта, эксперимента и наблюдения за природой в качестве источника знания.

Иную точку отсчета, а также и основные факторы, имеет современное западное экономическое мышление и логика. Несмотря на различные позиции, как правило, современное экономическое мышление начинают с У. Петти. Иногда его начало сдвигают на столетие, перенося к работам Ф. Кенэ, Тюрго, Смита, а некоторые и вовсе отсчитывают начало с А. Смита. Таким образом, речь идет о XVII (если Петти) или XVIII в. (если Кенэ-Тюрго-Смит). Ниже мы приведем аргументы в пользу обеих дат. Но, несмотря на различие в одно столетие (XVII или XVIII в.), никто не связывает его ни с XVI в., когда Лейбницем и Ньютоном были открыты дифференциальное и интегральное исчисление, а Паскаль и Ферма закладывают основы теории вероятностей, ни с открытием О. Рёмером скорости света, ни даже с Наукой нового времени Ф. Бэкона (XVI в.). Причина различий, очевидно, в нетождественности данных видов одного научного типа мышления: естественнонаучного и экономического.

рическое мышление принимает характер механистического. Правда, оно не задевает или же почти не задевает экономику и экономическое мышление.¹ Причину такого положения мы видим в том, что механицизм абсолютизировал редукционизм, сводя свойства системы к свойствам ее элементов, упрощая и примитивизируя причинно-следственные связи, а через это характеризовался отсутствием адекватных представлений о случайном, неопределенном и возможном. Изобретательство, инженерное и строительное дело являются важнейшей областью применения нового мышления: строительство каналов, дорог, мостов, соборов и др. Повидимому, свое влияние достижения XVII–XVIII вв. в области естественно-научного мышления на экономику и социальный мир распространяют только после того, как в обществе усилятся (и соответственно ослабнут обратные) тенденции индивидуальной свободы человека, а само мышление освободится от формализма и схоластики. И здесь решающее значение имеют четыре события-фактора: **образование и рост городов, Великие географические открытия, «революция цен», бумажные деньги.**² Исходя из этого на них как на событиях-факторах и событиях-условиях

¹ Под экономическим мышлением мы понимаем особый способ рассуждений, посредством которых экономисты объясняют особенности развития хозяйственной жизни, проникают в закономерности развития экономики, объясняют явления окружающего и внутреннего мира человека, а также размышляют о делах повседневных и более отдаленных. Всякий, кто знаком с работой Г. Вейля «Математический способ мышления» узнает в нашей формулировке экономического мышления прямую кальку с его определения математического мышления, и делаем мы это сознательно, т.к. считаем вейлевское определение корректным (см. Вейль Г. Математическое мышление. М.: Наука, 1989. – С.6).

² В различных источниках предлагается еще много других событий и факторов. Например, часто упоминают два таких важных фактора, как университеты и академии. В этой связи следует привести замечание Ж. Ле Гоффа: – «XIII столетие – это век университетов... В городах, где они сформировались, университеты являли собой немалую силу числом и качеством своих членов, вызывая беспокойство иных сил. Они достигали своей автономии в борьбе то с церковью, то со светскими властями (Ле Гофф. Интеллектуалы в Средние века / СПб: Изд-во С.-Петербургского университета. 2003. С.57-58). Конечно, эти два общественных института – университеты и академии, сыграли важную роль в развитии мышления и логики, т.к. научное мышление и логика оттачивались все же не на рыночной площади, а за кафедрой, и вслед за большим числом исследователей мы бы выделили особую роль университетов. Но не во всех регионах Европы исследуемого периода данные социальные институты имели ту степень развития, которая обеспечивает безоговорочное участие в формировании мышления и логики. А с другой стороны, в этот период наблюдаются еще только зачатки этих институтов (тем более академий) и их влияние на развитие мышления и логики не столь значительно, как той же церкви (монастырей) или рыночных площадей и т.д.

развития европейского постсредневекового экономического мышления, логики и экономики следует остановиться подробнее.

Известно, что мышление не дается индивиду подобно иным признакам, связанным с биологической природой. Напротив, мышление есть продукт социальной эволюции индивида. Поэтому уровень развития мышления и социальность соотносятся в человеке как следствие и причина или как результат и условие. С другой стороны, между экономикой и мышлением нет прямой причинно-следственной связи. Влияние мышления на экономику не непосредственное и прямое, а опосредованное и протекает как бы через ряд промежуточных звеньев. Часто в качестве решающего промежуточного звена называют технику и технологии, видя в них основную причину экономического развития, но забывают, что в экономику (организацию производства, обмена и потребления товаров) техника и технологии «входят» опосредованно – через изменение социальной структуры общества, обучение, образование, навыки, этику и законы. Решающее (или, по крайней мере, значимое) влияние во всем этом оказало появление нового постсредневекового города.¹

Особенность постсредневекового города заключается в том, что его организация формируется не сельским хозяйством, промыслами, а мануфактурами и, следовательно, не крестьянством и жрецами, духовенством, а горожанами². Поэтому рыночная площадь и органы самоуправления и судопроизводства являются его средоточием. Город становится фактором и основой экономической динамики в силу специфической организации общественной (а через нее также и личной) жизни человека. Он изменяет экономическое мышление людей, во-первых, тем, что выделяет и усиливает в человеке индивидуальность и одновременно развивает солидарность и корпоративность, а с ними расширяет свободу человека, во-

¹ «Города, – замечает Ф. Бродель, – принесли небольшому континенту величие». Бродель Ф. Материальная цивилизация ..., С. 541. О становлении и развитии постсредневекового города см. основательное исследование Макса Вебера, которое, несмотря на почти вековую давность, не потеряло своей актуальности и ценности. Вебер М. Город. В кн. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. С. 309–446.

² «Недаром, – пишет В. Щукин, – в западноевропейских языках лексемы, обозначающие понятие «гражданин», происходят от слов «город» и «горожанин»: ср. французские слова *cité* и *citoyen*, английские (заимствованные из французского) *city* и *citizen*, немецкие *Burg* и *Bürger*. Постпетровская Россия пошла по тому же пути, образовав во времена братьев Паниных, Новикова и Радищева соответствующую кальку (*град – гражданин*)». Щукин В.Г. Город и свобода. Историко-культурные заметки // Вопросы философии. – 2012. – № 8. – С. 66.

вторых, «гасит» «религиозный фанатизм», доставшийся обществу от средневековья, тем, что поворачивает поиск «смысла жизни» с потустороннего мира на посюсторонний.¹ В-третьих, произойдет активное развитие права, отчасти за счет возрождения римского права, отчасти же за счет расширения границ локации (германского городского права), обеспечившего человеку любого сословия, проживающему в границах города (год и один день), личную свободу, неприкосновенность частной собственности, но требующие от него неукоснительно подчиняться установленному правопорядку. Любые сделки между лицами, а также между лицами и «учреждениями» носят легальный характер, регулируемый правом. В-четвертых, происходит организация городских общин, закладка основ гражданского общества и местного самоуправления, выражаемые в автономности суда, корпораций с юридически определенным статусом, взаимно координирующих органов самоуправления и т.д.²

Для экономического мышления перечисленные институциональные изменения имели колоссальное значение – они обеспечили внедрение и развитие того, что принято называть «абстрактное мышление». В отличие от крестьянского мышления, реалистичного и конкретного, мышление горожанина становится более подвижным, «текучим», менее зависящим от внешней среды, менее привязанным к конкретным особенностям местности, более суверенным, менее суеверным, мистическим, более рационалистическим. С другой стороны, наблюдается активное формирование у людей (в обществе) так называемого «правового сознания», выражаемого в «неукоснительном подчинении установленному порядку». Регламентация общественной жизни не ограничивает свободу человека, а, напротив, расширяет ее границы, сдвинув их с внешнего мира во внутренний.

¹ Примечательная метаморфоза происходит с религиозным мышлением: прежде представленное дихотомией (Ад и Рай), загробная жизнь «получает» Чистилище, как промежуточное или компромиссное состояние.

² М. Вебер выделяет следующие «специфические черты» города: 1) политическая самостоятельность и отчасти собственная внешняя политика, 2) автономное судопроизводство, 3) автокефалия, т.е. исключительно собственные судебные и административные учреждения, 4) налогообложение горожан, свобода их от повинностей и налогов извне, 5) рыночное право, автономная полиция в области торговли и промышленности и монополистические обладатели банна, 6) противоположность хозяйственной организации городов внегородским, политическим, сословным и сеньориальным структурным формам – противоположность рынка ойкосу. Вебер М. Указ. соч. С. 402-409.

Человек города (гражданин) становится более свободен, суверен.¹ Частная собственность, неприкосновенность частной жизни, презумпция невиновности и прочие гражданские свободы, (обозначившиеся еще в Magna Carta Libertatum (1215 г.), Bulla aurea (1222 г.), Магденбургском праве, с его аналогами других городов), предоставляли всякому человеку, проживавшему в городе, шансы на изменение своей жизни к лучшему, т.е. делали его хозяином своей судьбы. Город превращал *Homo aliene juris* в *Homo sui juris*.

Появления новых городов² формирует новую мораль, нравственность и стимулирует свободу и развитие, которые, в свою очередь, подталкивают изобретательство и открытия в технике, технологиях, менеджменте. Новые техника и технологии расширяют новую систему разделения труда. А она, в свою очередь, стимулирует открытия и изобретения. Возникают потребности в новой рабочей силе, что стимулирует как приток людей в города, так и рождаемость.³ Рост численности населения городов вызывает рост потребности в продуктах питания, одежде, жилище и т.д., развивая их производство, обмен и потребление, стимулирует реформу собственности (в первую очередь земельной), организации производства, обмена, потребления и т.д., формирование цепи взаимодействующих событий. В ряду этих событий важное место занимает мышление и логика.

По-видимому, основа нового экономического мышления и логики формируется в XVIII в. (отчасти XVII в.), однако окончательно новое экономическое мышление оформится лишь в XVIII–XIX вв. И в этой связи интересно само оформление нового экономического мышления под влиянием города.

¹ «Западный город, — замечает М. Вебер, — был местом перехода из несвободного состояния в свободное благодаря возможности дохода, предоставляемой денежным хозяйством.» Вебер М. Указ. соч. С. 332.

² Экономический упадок городов, как замечает М. Вебер, начинается с XVI в. (Вебер М. Указ. соч. С.408). С этим утверждением солидарен также Ф. Бродель, указывающий причину этого упадка — формирование централизованных государств. Но при этом Бродель отмечает еще одну важную тенденцию в западноевропейской «урбанизации» — формирование крупных городов и городов-столиц государств, которая приходится на XVI–XVIII вв. и проявляется в поглощении малых городов, отчасти же лишении их финансовых, трудовых и материальных ресурсов. Бродель Ф. Указ. соч. С.558.

³ Хотя, как замечает Бродель, — «с биологической точки зрения до XIX в. город почти не знал превышения рождаемости над смертностью». Бродель Ф. Указ. соч. С.521.

Исследование структуры экономического мышления и логики позволяет отметить одну важную особенность – *ядро экономического мышления (и логики) содержит принципы и положения морали и нравственности*, но не законы и принципы естествознания. Обобщая историю становления и развития научного мышления и логики в различных отраслях естествознания (а они представляют различные виды научного мышления и логики) с XV в. (и даже отчасти XIV в.) по XVIII в. (и отчасти первую треть XIX в.) и экономического мышления и логики, следует указать на их относительное и автономное (независимое) существование. По крайней мере, ни формально (сопоставление трендов развития), ни качественно (сопоставляя структуру элементов) взаимосвязи и даже взаимодействия, предполагающего обмен элементами и обогащение, не наблюдается. Это может говорить об их относительном автономном существовании, а значит об индивидуальных, «персонифицированных» эксклюзивных источниках развития.

Для естественного научного мышления (которое выступает в виде математического, физического, химического, биологического, географического, механического и т.д. мышления) и логики такими источниками выступает наблюдение за природой (космосом – Бруно, Коперник, Галилей и др., биологии – Гарвей, Рей, Маньоль, Левенгук, Мальпиги, Гук, Грю, Я. Ван Гельмонт, Камерариус, Виллис, Борели, Декарт, Бартолин, Сваммердам и др., климатом, погодой и проч.), обобщение наблюдений и опыт (эксперимент). Эти источники, как и достижения в математике (Паскаль, Ферма, Декарт, Барроу, Гук, Лейбниц, Ньютон), физике (Гильберт, Торричелли, Герике, Галилей, Гюйгенс, Гук), оптике (Снеллиус, Марчи, Гримальди, Ньютон, Ферма), химии (Бойль, Мариотт, Я. Ван Гельмонт, Паскаль) и других естественных науках, в исследуемый период не оказывают заметного влияния на экономическое мышление и логику. Причин, по-видимому, две. Одна – слабое внедрение достижений естественных наук (физики, химии, оптики, биологии и даже механики) в хозяйственную практику через технику (орудия труда) и технологии, обучение и образование, управление и менеджмент. Уровень развития техники, с точки зрения хозяйственного применения, а не, предположим, оружия, во все это время в Европе (в других регионах планеты положение не лучше) остается все еще крайне низким. Что видно хотя бы на примере обработки почвы, использования удобрений, семян, селекции и т.д. Другая – слабость коммуникаций. Да, в Европе уже действуют университеты, но

обучение в них носит схоластический характер. Во многих странах созданы академии наук, объединяющие выдающиеся умы в различных отраслях наук, но эти объединения ученых все еще слабы по степени влияния на общество и их численность мала. Научное мышление остается достоянием небольшой горстки лиц, споры ведутся в основном в рамках «корпораций», и предмет спора для общества мало понятен. Эти споры не имеют влияния в обществе и на общество. Поэтому источником экономического мышления выступают другие силы. Полагаем, что одной из таких сил выступила Реформация. Но делает она это не непосредственно, как казалось бы, т.е. через технику, технологии производства и потребления, а через мораль и нравственность.

Конечно, сама Реформация вызвана к жизни не «буйным характером» Лютера или Кальвина. Конечно, оба были, выражаясь современным языком, пассионарии, и если мы не находим их имен в образцах пассионариев у Л. Гумилева, то реально они в первую голову подпадают под гумилевский критерий пассионариев. Реформация вызвана к жизни всей совокупностью социальных, политических и конечно же экономических условий и факторов того времени в Европе. Созданию всей этой совокупности факторов способствовали города. Это они создали тот невиданный ни в античные, ни в средние века в Европе, а также в арабском (мусульманском) мире, Средней Азии, на Дальнем Востоке (Китае, Индии, Японии, Корее) характер общественных отношений. Конкретно влияние Реформации на экономическое мышление и логику, а через них и экономику, связано с моралью и нравственностью. Реформация (Лютер, Кальвин и др.) закладывает основы новой этики хозяйствования и подталкивает к формированию нового городского права и, таким образом, создает этико-правовую базу формирования нового постсредневекового экономического мышления и логики,¹ которые, войдя, что называется, в «плоть и

¹ Если относительно политики и идеологии, а также мышления, не говоря уже об религии, влияние Реформации изучено весьма неплохо, то в отношении экономики и тем более логики, на сегодня, серьезных и основательных работ, по-видимому, немного, если вообще таковые имеются. Можно назвать две причины. Первая – доминирование аристотелевой логики. Вторая – связь Реформации с этикой. Реформацию изучали (и причем досконально) в контексте этики, но логики – по-видимому, нет. Поэтому до XX века не имеет смысла искать какие-либо серьезные изыскания в области влияния Реформации на развитие логики. Поэтому требовать чего-то иного чем логика Аристотеля в логике до XX века и тем более в области этики крайне затруднительно. Только в XX веке формируется классическая, а затем неклассическая логика, важным направлением в которой является модальная логика, а в ней логика оценок и норм (или деонтическая

кровь» экономики – человеческое поведение – управляют экономическим развитием, подобно тому как закон Всемирного тяготения (открытый И. Ньютоном) управляет строительством соборов, мостов, а закон Архимеда строительством океанических кораблей (каравелл). Очевидно, поэтому **смена экономического мышления происходит не со сменой научной парадигмы, а со сменой моральных принципов и нравственных императивов.** И что примечательно – эта смена происходит намного реже, чем смена научных парадигм в естествознании.

Заметим, что логика при этом по сути своей остается аристотелевой, т.е. двужаночной и даже бинарной, т.к. два члена (добро и зло) взаимно противоположны. Но теперь вместо истины и лжи, роль критерия выполняют полезное и неполезное, имеющие более явную («приземленную») нравственно-этическую нагрузку. Но, и это важно отметить, протестантизм ввел важное уточнение в эту бинарность отношений – *допущение*. Если говорить о логике, то в ней бинарные отношения не отменяются, но корректируются. На практике это означало: обман (в самой разной форме), насилие, нарушение законов (даже если они ошибочны) признается злом. Следовательно, подлежат недопущению и в целом осуждаются. Но

логика). В этике базисными отношениями выступают добро и зло. Лютер оперирует именно этими категориями. Наряду с ними используются также: справедливое, полезное, хорошее, плохое, обязательное, запретительное, допустимое и т.д. При ближайшем рассмотрении все они выступают нормами и оценками. И в этой связи, с точки зрения логики (т.к. логика выступает наукой о выведении одних положений из других), возникает вопрос: можно ли из одних норм и оценок выводить другие? И если можно, тогда каким образом? И вытекают ли из одних норм и оценок иные нормы и оценки? На последний вопрос следует ответить положительно. А это и есть основная логическая операция. (Кстати, вся система рассуждений Лютера, (для чего достаточно ознакомиться с его *Disputatio pro declaratione virtutis indulgentiarum*), Гуса и других реформаторов зиждется именно на этом и в этом плане их суждения логически безупречны, чего нельзя сказать относительно содержания). Но ее еще недостаточно. Пойдем дальше. Основным элементом рассуждений Лютера и реформаторов были оценки: добро, хорошо и проч. Они пытались с разных позиций дать оценку оценкам: хорошему, плохому и т.д. В современной деонтической логике разнообразные оценки формируются с помощью абсолютных («хорошо», «плохо», «безразлично») и относительных («лучше», «хуже» «равноценно») понятий. При этом эти операции проводятся на основе общих принципов логики: противоречия, исключенного третьего и т.д. Принципиально важным является то, что в деонтической логике критерием выбора (оценки) является не «соглашение», а разумность. Это важнейший критерий, который, кстати, вводится реформаторами и их последователями. Как раз с точки зрения разумности не может быть одновременно хорошим и плохим, добрым и злым и т.д. Но если формулировка данных положений явно становится возможной только в XX веке, то это еще не говорит о том, что неявно они не присутствовали в практике (а также и при рассуждениях) до XX века, в т.ч. в XVI–XVIII вв.

при этом торговля (в любых формах) более не считается злом (т.к. приносит пользу) и занятие ею не порицается, но даже поощряется. Оправдание получает такая важная категория капитализма, как ссудный процент, которая прежде предавалась осуждению, и именно в силу своей полезности. Все это стало возможным благодаря тому, что введенный в морально-нравственный кодекс принцип: «стремление к богатству представляет естественное право человека и не противоречит божественным законам», вкупе с неприкосновенностью и святостью частной собственности и частной жизни человека, получает юридическое оформление, т.е. защищается силой закона. Исходя из этих посылок, формулируется новое правило: каждый человек имеет моральное (т.е. закрепленное) право стремиться к благу, получать пользу.¹ Правда, при этом делается важное добавление: «только путем добра, а не зла». Все эти нормы закрепляются в своде законов (так называемое «городское право»).

Изменения в экономическом мышлении и логике продемонстрировали свою значимость на уровне конкретной проблемы: проблемы определения цены. Фундаментальный вопрос о природе цены, т.е. как формируется и что представляет собой цена конкретного товара, который со времен Аристотеля оставался по сути открытым, получает логическое разрешение. На основании нового экономического мышления и логики, цена устанавливается по взаимному соглашению продавца и покупателя. Этим самым важнейшая категория экономики была вырвана из рук «небесных сил» и передана в руки самих людей, открыв тем самым важное направление исследованию, связанному с влиянием «совокупности норм и приличий человеческого поведения» или этики («должное поведение») на экономику. Это только один пример. Но такие же изменения происходят по отношению к деньгам, труду, рабочей силе, капиталу, налогам, пошлинам и т.д.

Обобщая различные аспекты исторического развития экономического мышления и этики, следует отметить, во-первых, что **именно образование городов, Реформация (в лице Лютера и Кальвина)² и протес-**

¹ «Сложился новый образ мышления, – замечает Ф. Бродель, – в общих чертах – образ мышления еще раннего западного капитализма, совокупность правил, возможностей, умения жить и обогащаться одновременно». Бродель Ф. Указ. соч. С.546

² Лютер хотя бы одним своим термином *Verif* – *призвание*, повернул господствовавшие со времен Моисея богослужение, богословие и т.п., к земным делам. Вместо исповеди, епитимьи, индульгенции и проч. было поставлено призвание хорошо выполнять ту работу, которой ты занимаешься, делать ее нужно честно, добросовестно и старательно. Этот

тантизм, а не открытия Бруно, Коперника, Галилея, Паскаля, Ньютона, Лейбница и т.д., какими бы великими они ни были, становятся основой нового постсредневекового экономического мышления и логики, во-вторых, что именно новации, исходящие от Реформации, а не Новой науки (Ф. Бэкон), приведут традиционную аристотелеву двузначную (усилив в ней бинарность отношений) логику в экономику и экономическое мышление, и что, в-третьих, впервые экономические отношения принимают человеческий, мирской характер, даже несмотря на религиозную фразеологию, они уже не имеют «теологической связности» (Адорно), но, в-четвертых, своими новациями («допущением») они не предложили, конечно, новой небинарной логики, но, интерпретируя разнообразные экономические отношения посредством двузначной аристотелевой логики, заложили в экономическое мышление основу необходимости в строго рациональном мышлении.¹

Другим важным событием, оказавшим влияние на формирование нового экономического мышления и логики, а также оказавшим влияние

подход был усилен требованием умеренности, бережливости, предусмотрительности, предприимчивости, ставшими признаками добродетели. Все это не только сняло «первородный грех» с торговли, но и подтолкнуло кредит, а через него вексель и банковское дело. Неспроста первые банки появляются именно в тех странах, где распространяется протестантизм (кальвинизм и лютеранство): Швейцария, Франция, Англия, Шотландия, Голландия, Германия. Протестанты в лице пуритан и квакеров, переселенцев из Англии в Америку и обосновавших колонии в Массачусетсе (пуритане) и Пенсильвании (квакеры), устами одного из своих представителей – Б. Франклина, (*Franklin B. Advice to a young tradesman // Franklin B. The Works of Benjamin Franklin: containing several political and historical tracts not included in any former edition and many letters official and private, not hitherto published: with notes and a life of the author // By Javed Sparks. Boston: Hilliard, Gray and Company, 1836 – 1940*), выскажут правила новой экономической логики и экономического мышления: Расходы никогда не должны превышать доходы, Деньги плодотворны (Д – Д'), Время – деньги, (тем самым, провозгласив время денег и денежное время) и др. По-видимому, до этих формул додумался не только Б. Франклин, которому приписывают их, но, очевидно, что это было общей тенденцией, ибо, как заметил Ф. Бродель, ссылаясь на К. Бека: «уже тогда один купец заявил, что *chi tempo ha e tempo aspetta, tempo perde*. Переведем вольно, но логически правильно: «Время – деньги». Бродель Ф. Указ. соч. с. 546.

¹ Историки логики замечают, что почти одновременно с древнегреческой логикой логическая теория мышления начала складываться в древних Индии и Китае, но в названных странах ее развитие не достигло ни греческого, ни западноевропейского уровня. Причину видят в социальном устройстве общества. В обществах, основанных на демократических принципах, процедура убеждения опирается на доказательную речь, а не на традицию или же принуждение и прямое насилие. В силу чего основное развитие логики и происходило вслед за Древней Грецией в цивилизациях, перенявших ее устройство, т.е. демократических обществах.

на экономику выступают *Великие географические открытия XV–XVI вв.*¹ Экспедиции и открытия (а они были не только сугубо географические) Х. Колумба, Васко да Гаммы, П. Кабрала, П. Каминья, С. Кабота, Г. Куэды, А. Веспуччи, Ф. Магеллана, Э. Кортеса, Ф. и А. Писарро, Х. Уиллоуби, Р. Ченслора, С. Барроу, В. Борентезона (Беренц), Г. Гудзона и многих других мореплавателей и путешественников стали в XV–XVI вв. важнейшим социальным и политическим событием. Но, по-видимому, не менее значимым они оказались экономически. Речь идет не только о развитии торговли, но об интенсификации внешних сношений, подталкивающей также и внутреннее производство и потребление, интенсификации, принимающей характер внешних экономических связей. То есть в результате открытия Нового Света, а также связей с Австралией, Индией, Китаем и др. между Европой и этими землями устанавливаются хозяйственные, экономические отношения, принявшие характер «метрополия – колонии». Европа не просто вывозит или грубо грабит новые земли, что было безусловно характерно не только на первых порах, но и в последующем, но Европа также и обустривает, причем в первую очередь экономически эти территории, исходя отнюдь не только из мессианской роли, но главным образом из-за того, что расстояние до метрополии оказываются значительными, а технические средства перемещения слабыми, поэтому приходится формировать на новых землях своеобразные производственные базы, т.е. базы производства продуктов питания, обмундирования, а затем и промышленных товаров и т.д. Поэтому Европа развивает в них новую экономику,² но не ту, которая сложилась в Европе (Испании, Португалии), а ту, которую создают экономическое мышление и логика того времени и формирует хозяйственные отношения между колониями и метрополией. Основу этих отношений составляет конечно же торговля. Торговля же воспринимается (интерпретируется) как эквивалентный обмен. Общество интуитивно нащупало «закон Риккардо», правда, пока еще в смитианской интерпретации, т.е. не как следствие

¹ Заметим, что датировка Великих географических открытий в разной историографии разная. В западной Великие географические открытия обычно датируются XV–XVI вв. В российской (советской) XV – (середине) XVII вв. Различия объясняются включением российскими историками географических открытий отечественных путешественников и первооткрывателей Сибири и Дальнего Востока.

² Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т.3. Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.). – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение. 1983.

конкуренции, а как следствие климатических или других природных, естественных различий. Но это и понятно, т.к. в то время (XV–XVI вв.) основные товары – продовольствие, сельскохозяйственное сырье или предметы роскоши (золото, серебро в виде изделий или слитков, шелк и т.п.). А поскольку в их производстве в основном участвует природа: климат, погода, почва и т.д., то и интерпретация закона сравнительного преимущества оказывается сугубо натуралистической или привязанной к природному. Но Великие географические открытия оказали влияние на экономическое мышление и логику (как и в целом на мышление и логику) не только этим, но и тем, что впервые произошел контакт европейского мира с иным.¹ Причем, если раньше такие контакты, имевшие место с азиатским (в т.ч. русским, монголо-татарским, персидским и даже индийским и китайским), а также арабским и североафриканским мирами, не вызывали у европейцев чувства превосходства, то встреча с совершенно новым миром Америки, Австралии и островов в Тихом океане вызвала в них чувство превосходства. Это развило в европейском мышлении сознание превосходства и усилило бинарность в логике. (Полагаем, что это стало основой колониализма. Вся политика колониализма – в любых ее проявлениях – базируется на бинарности отношений и недопущении иных отношений, т.е. возможного, иного.)

Для европейского экономического мышления, логики и экономики эти события (открытие Америки, Австралии, Антарктиды, а затем Индии, Китая, Японии и Кореи) создали восприятие торговли не как эквивалентного обмена, а как инструмента легкой наживы, надувательства и мошен-

¹ Заметим, что на развитие экономики не оказали влияния, подобного или близкого к рассматриваемому, ни высадка человека на Луну, ни погружение на дно океанов. Некоторые изменения в экономическом мышлении, вызванные «космическими путешествиями», наблюдаются в последнее время и связаны они с посещением космическими аппаратами планет и других объектов солнечной системы. Но поскольку эти контакты пока еще не слишком интенсивны и экономические результаты пока еще не имеют такого масштаба, как, допустим, путешествие Х. Колумба, то к ним отношение пока еще остаются преимущественно любознательное, чем-то сродни экспедиции Чжэн Хэ. Вот когда космические корабли «привезут» первую тонну грунта с другой планеты или даже Луны на перерабатывающие заводы на Земле и когда в результате этого обрушится рынок, как это сделал Ф. Писарро с золотом и серебром инков, или когда будет построен первый «перерабатывающий завод» на той же Луне, Марсе, вот тогда экономический интерес к этому путешествию станет конкурировать с экспедицией Ф. . Тогда-то и начнется настоящая гонка за колонизацию космического пространства, т.е. других планет, а пока с экономической точки зрения освоение космического пространства не имеет самостоятельного значения.

ничества. Как инструмент, с помощью которого можно быстро разбогатеть. Кроме того, была деформирована система морали и нравственности. Вначале это коснулось португальцев и испанцев, но затем распространилось и на другие народы Европы. Это деформировало их экономическое мышление и логику, что наиболее ярко выразилось и, можно сказать, приняло завершённый характер, в меркантилизме и его разновидностях.¹

Третьим важным событием для экономического мышления и логики стала **«революция цен»** – резкий (в среднем в 2,5–4 раза) рост цен в Европе в XVI в., связанный с падением стоимости благородных металлов, вызванным «притоком» в Европу золота из Перу и Мексики. Это было невиданное событие. Впрочем, неоднозначно и неодинаково отразившееся на различных регионах Европы. Революция цен привела к снижению стоимости рабочей силы за счет снижения цен на продовольствие и предметы первой необходимости, которые имели спрос у наемных рабочих (промышленности). Но одновременно стимулировала рост цен на промышленные товары. По-видимому, поэтому некоторые исследователи склонны видеть в «революции цен» источник будущей Промышленной революции и организации паневропейского рынка. По степени влияния на экономическое мышление, логику и экономику это было одно из самых сильных событий. Разрушалась установленная обычаями и правилами система ценообразования.

До этого Европа не знала высоких колебаний цен, если они и имели место, то только в пределах изменения природных или погодных условий. Причем цены зависели в основном от предложения товаров, что отчасти связано с монополией на чеканку монет, но главным образом, с неразвитостью системы товарно-денежных отношений. Неурожаи, вызванные погодными и климатическими неурядицами, приводили к падению объема предложения. При сложившемся спросе решение проблемы возможно путем нормирования и административного, директивного распределения. Однако в Европе к этому времени уже работал рыночный механизм, и регулирование производства и потребления осуществлялось преимущественно рыночным способом. Поэтому снижение предложения при преж-

¹ Литература по меркантилизму, составленная его сторонниками, насчитывает тысячи изданий. Только в Англии, как отмечает Е. Майбурд, до 1764 г. их число составляло 2377 изданий. (Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до процессоров. – М.: Дело, Вита-Пресс, 1996. С. 82) Более-менее полное изложение основных принципов меркантилизма представлено в трактате Т. Мана «Богатство Англии во внешней торговле», вышедшем в 1664 г.

нем (или же несколько сниженном и тем более выросшем, благодаря росту численности населения) спросе, приводило к росту цен. Однако поскольку погодные и климатические изменения не создавали радикальных и длительных (а Европа научилась не только нормировать потребление, но и создавать запасы на случай всяких непредвиденных обстоятельств и событий) колебаний в предложении, то и само колебание цен принимало, можно сказать, циклический характер, т.е. после некоторого периода роста/снижения возвращалось к прежней величине.

Это создало в мышлении принцип стабильности цен и их независимости от людей. Со времен Аристотеля утвердился принцип, согласно которому цены должны быть средними, что означало – умеренными, определяемыми общими условиями производства. А поскольку на континенте в среднем условия были везде одинаковыми, больших различий ни в климате, ни в почвах, ни в технике и технологии, сноровке рабочих не наблюдалось, то цены не могли резко изменяться. Да, их колебания имели место, но лишь вызванные погодными условиями, т.е. богом или, по меньшей мере, оказывались вне ведения человека. А потому никто из смертных не мог их изменять. Эту роль уверенно обеспечивало золото. Ввиду своей редкостности и ограниченности производства его считали со времен Писания божественным металлом.¹ В силу этого его избрали в качестве всеобщего эквивалента. Придание же ему формы монеты не изменило, не снизило, но даже повысило его значимость. Безмятежному правлению (царствованию) золота пришел конец, когда в начале Э. Кортес, благодаря предательству Монтезума, овладел Теночтитланом, с «кладом Монтезумы», а затем братья Писарро (из-за самонадеянности Атауальпы) ограбили Куско и Кито, направили каравеллы золота, серебра и прочих драгоценностей в Европу. Предложение золота выросло кратно, предложение же товаров не могло соперничать, и произошел обвал цен, названный «революция цен». Это событие стало ударом по предыдущему экономическому мышлению и логике. Оно же отразилось и на экономике. В одних странах, таких как Испания, Португалия прибытие колониального добра и его нерациональное использование в силу традиций разрушило традиционные отрасли (сельское хозяйство) и сдержало рост зачатков промышленности, тем самым экономическое развитие этих стран. В других – Нидерланды, Англия, Ганза, Генуя, напротив, обеспечило развитие

¹ Вэзефорд Д. История денег. Борьба за деньги от песчаника до киберпространства. М.: ТЕРРА, 2001.

традиционных отраслей (сельское хозяйство, промышленность, ремесла), а также развитие промышленности, торговли, кредита.

Четвертое событие – *бумажные деньги*. Считается, что Европа узнала о бумажных деньгах после того как встретила с Китаем.¹ Конечно, она знала и до этого систему расписок, заёмное письмо, чек, банковский билет, вексель, но в полном смысле слова, расписки не адекватны бумажным деньгам.² Большинство исследователей появление бумажных денег связывают с интенсификацией обмена; металлические деньги имели, помимо всего прочего, тот недостаток, что имели вес и в обменных операциях требовались затраты на транспортировку. Это сдерживало не только размер сделки, но и время сделки. Требовалось не просто собрать определенное количество монет, но и транспортировать его в «пункты приемки». Бумажные деньги ускоряют обмен. Слов нет, «эффект массы» имел место и играет определенную и порой весьма существенную роль при обменных операциях. Но полагаем, что здесь речь идет о чем-то более значимом, чем встречать носильщиков с мешками, полными денег, сгибающихся под этой тяжестью десятого, двадцатого и тридцатого числа каждого месяца с десяти часов и до полудня на улице Вивьенн.³

И речь вовсе не в качестве бумаги. Речь в качестве отношений, которые выражает данная бумага. Бумажные деньги не только расширили предметную область категории денег, но ввели в систему экономического мышления такую категорию как доверие и уверенность. Но оно стало возможным вовсе не в силу моральной или нравственной природы чело-

¹ В Китае бумажные деньги, которые Ф. Бродель называет гениальным решением, продержались с IX по XIV в. «Бумажные деньги, помимо тех внутренних удобств, какие они представляли при платежах между провинциями, позволяли сохранить серебро для тех затрат металла, каких требовала эта торговля со Средней Азией и с европейским Западом... Использование бумаги станет ответом китайцев на конъюнктуру XIII–XIV вв., способом преодолеть трудности, присущие архаичной форме обращения тяжелых медных или железных саихас, и оживить внешнюю торговлю на шелковом пути.» (С. 481) Но при этом следует учесть еще одну весьма ценную и важную ремарку: «когда Запад вновь обрел эти старые орудия», (имеется в виду вексель, платежное распоряжение, заёмное письмо, банковские билеты, чеки), «речь не шла об открытии вроде открытия Америки». Так Ф. Бродель оценивает значение переоткрытия Западом денежных инструментов и просит несколько умерить наивные восторги. Полагаем, делает он это корректно. «Денежная техника, как и все виды техники, отвечает, следовательно, на потребности, длительно, упорно и ясно выражаемые. Чем более страна была развита экономически, тем более расширяла она гамму своих денежных и кредитных инструментов», – таково резюме ученого. (с. 508)

² Тульев В. История денег. М.: ЭКСМО, 2013, Вэзефорд Д. Указ. соч.

³ Бродель Ф. Указ. соч. С. 501 – 502.

века, а в силу интенсивности экономических отношений между людьми. Именно интенсивность обмена, а не биологическая или нравственная природа человека, заставляла людей быть более последовательными, придерживаться взятых обязательств, выполнять их в срок и т.п., и тем самым повысить уровень доверия в обществе. Это привело к образованию объективной основы внедрения бумажных денег. Но в силу того, что на Востоке (Китае, Японии) формирование патримониально-бюрократического государства опередило Запад,¹ это отношение имело уже не характерный для европейцев тип: условие договора между представителями одной гильдии, например, купцами, ремесленниками и т.д., а своеобразный государственный кредит. (В то же время, очевидно, нельзя видеть в этом особый тип или уровень развития гражданского общества. Такая интерпретация была бы, очевидно, явной натяжкой. Но это не может не указывать на наличие определенных тенденций наличия гражданского согласия, правда, еще более – на иерархичность общества.)

Обладание бумажными деньгами означало обладание определенными правами. Обмен с помощью бумажных денег выглядел в средневековом европейском экономическом мышлении иррациональным, т.к. обмен предполагал наличие обмениваемых товаров или же их эквивалента, что и выполняла звонкая монета. Хотя расписки были в ходу, но они имели персонифицированный, а потому ограниченный характер. Но расписка и бумажные деньги, повторяем, не одно и то же, т.е. выражают разный уровень общественных отношений. Бумажные деньги базируются на всеобщем характере доверия и отчуждения прав с помощью обладания бумажными деньгами. Они предполагают, во-первых, высокую степень унификации и, во-вторых, высокий уровень развития товарно-денежных отношений. В целом Европа созрела к принятию бумажных денег. Поэтому можно сказать, что если бы она их не увидела в Китае, то ей не представляло бы большого труда открыть их заново самостоятельно, т.к. к XVII–XVIII вв. все условия для внедрения бумажных денег в Европе были созданы и готовы. Но переняв бумажные деньги, Европа быстро встроила их в систему экономики, что проявилось в развитии банковского дела и кредитования. По-видимому, последнее связано с наличием определенного

¹ На Западе, причем в разных его частях: север, юг, восток, запад, формирование государства приходится на XVI–XVIII вв., когда за исключением Нидерландов и Англии, «города были приведены к покорности». «Венеция будет последним *полисом* Запада», – резюмирует Бродель. (Бродель Ф. Указ. соч., С. 551)

уровня абстрактного мышления у европейцев. Все это ускорило экономическое развитие, т.к. ускорило обмен между экономическими агентами.

Таким образом, появление бумажных денег привело, с одной стороны, к интенсификации обмена и всех процессов в экономике, во-вторых, расширило и углубило товарно-денежные отношения, в-третьих, активизировало создание новых институтов (в частности, развитие кредита и банков), в-четвертых, (для мышления) произошло усиление роли абстракций (обмен более не опосредуется конкретной монетой, а имеет символический характер, т.е. отрывается от предметной характеристики).

Таков один из этапов формирования постсредневекового экономического мышления и логики. Экономическое мышление и логика только зарождаются, а потому имеют своеобразный синкретический характер: наука, философия, мораль, религия, нравственность (этика) и юриспруденция перемешаны в экономическом мышлении. Используемая логика частично аристотелева, частично иная. Но, главное, что экономическое мышление выступает в «форме» морали, нравственных принципов и юридических законов, а не экономических принципов и законов.¹ По-видимому, это сказывается (а с другой стороны, выступает своеобразным условием) на названиях (и даже внутренней «начинке») экономических трактатов. Во-первых, они носят преимущественно прикладной, эмпирический характер (и это роднит экономическое мышление с мышлением естественных наук), во-вторых, наблюдается явное присутствие этического аспекта, (и сами сочинения несут своеобразный назидательный, нравоучительный характер).

Следующим важным (по-видимому, даже решающим) шагом в развитии экономического мышления становится «работа» самих «экономистов»² над экономическим мышлением и логикой. Полагаем, что решающее значение в формировании экономического мышления имела ка-

¹ Эту особенность можно заметить на примере первых экономических категорий. Многие экономические категории, например, такая важная как собственность, первоначально выступают юридическими и только в XIX в. становятся предметом экономистов и принимают также экономический характер. Поэтому можно сказать, что экономисты заимствуют многие экономические категории у юристов.

² Те, кто первыми назвал себя экономистами, были, как известно, физиократы. Но при этом известно, что первый классический экономический труд был написан врачом У. Петти почти за столетие до основных экономических работ физиократов, но Петти не относил себя к экономистам, тем более, что и по профессии он был не экономистом, а медиком. Поэтому мы и ставим в данном случае слово «экономисты» в кавычки.

тегория национальный продукт, которую вводит неявно уже У. Петти¹, а явно Ф. Кенэ. Но окончательно идея национального богатства оформится у А. Смита в его эпохальной работе «Богатство народов». Новая система экономического мышления, которую формируют Петти-Кенэ-Тюрго-Смит и которая базируется на идее национального богатства, начинает притягивать разбросанные в «пространстве мысли» идеи реформаторов (Лютера, Кальвина), моралистов, философов, меркантилистов, маржиналистов и т.д. в Англии, на континенте и в Америке. В результате появления этих идей, разработки принципов и правил поведения, в Европе в XIX в. была создана экономическая наука – духовный феномен планетарного масштаба.

Формировавшееся на протяжении XVII–XIX вв. экономическое мышление и логика организуют экономику (а отчасти и сами формируются). И в этой связи важно знать, как взаимодействуют экономическое мышление, логика и экономика. Дело в том, что между основными видами научного мышления (физического, математического, химического и т.д.), сформированными в Европе в XVI–XVIII вв., логикой и экономикой нет прямой явной связи. Развитие начальных веков постсредневековой экономики не связано ни с открытиями в области математики, ни с открытиями в физике, механике, химии, биологии и других естественных наук. Когда европейская наука буквально бурлит, европейская экономика спит крепким сном. Хотя какие-то изменения безусловно имеют место. Иначе как могло бы существовать такое количество населения, вестись продолжительные и масштабные войны, снаряжаться морские экспедиции, содержаться армии священников, занимавшихся помимо схоластических споров наблюдениями, но также и борьбой (в прямом и косвенном смысле, т.е. поиском аргументов и доказательств, опровергающих их доводы) с еретиками, строить соборы, мосты, дороги, дамбы, содержать университеты, заниматься науками. Но все это покрывается преимущественно за счет экстенсивного сельского хозяйства и ремесел. Чему свидетельство – активность освоения земель, расширение численности ремесленников и активность торговли. Но даже XVII в. и XVIII в., от первой сжатой модели экономики У. Петти до первой развернутой Ф. Кенэ, экономика ничем качественным не ответит на этот всплеск экономической мысли. Признаки воздействия экономического мышления и логики на

¹ Считается, что Петти первым выработал понятие о национальном доходе, а также первым придумал метод и вычислил величину национального дохода Англии.

экономику наблюдаются только после А. Смита и первого зрелого этапа экономического мышления и логики – (вторая половина XVIII в.). Они вобрали в себя, путем своеобразного перемола или абсорбции, разбросанные и случайные идеи Аристотеля, ..., Фомы Аквинского, Лютера, Кальвина, Петти, Мана, Локка, Лоу, Франклина, Юма, Буагильбера, Вобана, Монтескье, Гоббса, де Гурнэ, Кантильона, Мирабо, де Немура, де Ларивера, Кенэ, Тюрго и многих других, оставивших свои имена или предпочитавших не заниматься такой мелочью. Как все это происходило?

Экономика – это не люди, техника, сырье, земля, заводы, банки, склады, базы, рынки, товары, деньги, бюджет, налоги и проч., а *совокупность законов, обычаев и правил поведения людей в хозяйственном процессе, обеспечивающем непрерывность жизнедеятельности человека на планете*. Отличие экономики от других объектов действительности, в частности, природных, состоит в том, что она не пассивно противостоит мышлению и мышление не изучает его как бы со стороны (объект природы находится как бы напротив мышления), а в том, что экономика является таким же (а возможно даже больше) продуктом мышления, как и продуктом природы (природных условий, от земных до космических), природного материала (в виде сырья и предмета труда), орудий труда, технологий и живого труда (целесообразной человеческой деятельности, руководимой мышлением). Поэтому прежде чем осуществить нечто в экономике, человек создает идеальный образ в своей голове¹ (принимаящий вид концепции, стратегии, программы и проч.), который реализуется в экономике. Следовательно, мышление человека в экономике является не просто фиксатором того, что происходит, (пассивно описывая или созерцая то, что происходит), но активным элементом, который не просто осуществляет учет, контроль, координацию и т.п. элементов хозяйственного процесса, но и формирует (планирует, прогнозирует, проектирует и организует) их новую композицию.

Человек с помощью мышления и логики раскрывает новые связи между существующими элементами экономики, вводит новые, производит новую их конфигурацию, изменяет всю совокупность отношений в системе экономики.² Но строит он эти модели экономики, которые затем

¹ Маркс К. Капитал. Т.1. М.: Политиздат, 1988., С.189

² Значимость европейской экономической мысли для экономической истории и величие ее мыслителей не в том, что они вывели, например, балансовую формулу, на основе которой была составлена «Таблица» д-ра Кенэ и другие научные трактаты (египтяне, как и многие другие народы, задолго до европейцев пользовались принципами балансовой

реализует (внедряет) в хозяйственную практику, посредством труда, техники, технологий, природных условий и т.д., на основе определенных законов мышления, т.е. логики. Потому что мышление (в т.ч. экономическое) не может работать иначе. Правда, это совершенно не означает, что полученный продукт (идеальный образ действительности) всегда должен быть истинным, правильным. Напротив, отметим ту особенность, что мышление человека индивидуально и что в обществе действуют индивиды, наделенные разумом, но при этом разум каждого индивида отличается от разума другого, что в обществе нет так называемого Всеобщего Разума как некоего Большого Индивидуального Разума, а есть лишь множество индивидуальных разумов или разумов всех индивидов и каждый индивид свои мыслительные способности включает в общую работу приватно. Все это приводит к самым разным результатам. Следовательно, для экономики, как возможно ни для одной другой сферы жизнедеятельности человека, важны, знание и следование правильным законам мышления, т.е. логики. Таким образом, логика в экономическом мышлении и экономике имеет, возможно, даже более важное значение, чем в любой другой науке. Поэтому всякие допущенные ошибки в экономической логике и экономическом мышлении сказываются на экономике, т.е. принятие неверных, неэффективных логических схем отрицательно сказывается на поведении экономики. Логика может не только притормозить развитие экономики (экономическое развитие), но и сделать его отстающим. Но, с другой стороны, использование так называемой прогрессивной логики может стимулировать экономическое развитие. И все это зависит от логики.

Вступать в дискуссию о предмете, задачах и функциях логики здесь считаем неуместным, но рассмотреть отдельные аспекты эволюции эконо-

формулы), а в том, во-первых, что они создали экономическую науку как высшую форму экономического мышления, с помощью которой стало возможным рационально интерпретировать экономические отношения, во-вторых, что связали их с экономическим поведением людей и, таким образом, впервые поставили человеческое поведение во главу своих экономических исследований. Это привело к тому, что экономика сразу же обрела предмет, объект и метод. Отсюда последовало выделение таких категорий, как воспроизводство, национальный продукт, цена, стоимость, товар, деньги, кредит и проч. Причем не как разрозненные, а как взаимосвязанные. В результате экономика приняла характер системы. Европейская мысль, создав, таким образом, научное экономическое мышление, позволила странам Европы опередить все остальные страны в экономическом развитии.

номической логики необходимо.¹ В общих чертах под логикой понимают, во-первых, законы вывода одних знаний (как правило, новых, имеющих своеобразный характер истин) из других (в т.ч. уже существующих), во-вторых, инструмент, с помощью которого различные науки и практики решают поставленные задачи (выявляют так называемые истины). Исходя из чего мы полагаем, что появление новых экономических теорий, как и сама эволюция экономических воззрений, связаны в том числе (а в некоторых аспектах – прежде всего) не только с изменениями в хозяйственной практике, которые ведут к использованию новых видов сырья, материалов, техники, технологии, институтов и т.п., но равно и в способах осмысления этой практики и формулирования новых теорий, путем выведения нового знания из уже существующего, т.е. за счет развития логики. Но означает ли это, что эволюция логики, а еще более распространение достижений в логике среди исследователей и в обществе от Аристотеля²

¹ Книг по логике за столетие написано достаточно, чего нельзя сказать об экономической логике, и хотя бы поэтому заслуживает внимания монография Кулиева Т.А. - Оглы. Экономическая логика. М.: Экономика, 2013. – 223 с.

² Мы сознательно начинаем отчет с Аристотеля, хотя знаем, (о чем можно прочесть в любом учебнике по истории логики), что и до него даже в Древней Греции, не говоря уже об Индии, Китае и странах Востока существовали (были разработаны и использовались) свои системы логики. Это относится как к средневековой, так и к досредневековой истории Европы и других стран. Но и здесь мы сознательно перечисляем лишь европейских и, причем наиболее значимых логиков, которые внесли вклад в развитие логики. Почему мы это делаем? Во-первых, мы убеждены, что знание истории логики нужно исключительно при сдаче экзамена по логике и философии, во-вторых, никто в своей практической исследовательской работе, если он не историк логики, не использует этот исторический аспект. Ни Бор, ни Эйнштейн, Гейзенберг, Дирак, де Бройль и другие не были ни логиками, ни историками логики, хотя каждый внес свой вклад в развитие именно логики, очевидно, совершенно (т.е. не заботясь об этом сознательно) не подозревая об этом. Всякий исследователь сознательно или же на интуитивном подсознательном уровне в своих исследованиях использует либо господствующее на данный момент понимание логики (как например, такие качества как двужначность, три-четыре закона и некоторые логические операции), либо тот багаж знания логики, который ему был дан в курсе начальной или высшей школы. Большинство исследователей использует логику, что называется на автопилоте, точно также как используем мы все правила грамматики или же таблицу умножения и т.п. Всякий раз, когда взрослый человек пишет письмо своему другу или же пишет статью в журнал, он не обращается к правилу правописания. Спросите его, почему он написал так и многие едва ли приведут правило, которым при этом следует руководствоваться. Значит, мы делаем это на так называемом автопилоте, т.е. не обращая внимания (= не тратя энергию) на это. По-видимому, то же самое и с законами логики. Утверждать же на этом основании, что они нам врожденные, по-видимому, нет оснований, т.к. слишком много фактов, когда имеет место обратное. Но можно при этом утверждать, что у всякого человека имеется врожденная склонность

до наших дней¹ представляет эволюцию также и экономической мысли, экономической теории? По-видимому, не совсем. И это вытекает из не-тождественности экономического мышления и экономической логики, и тем более экономической логики и экономики. Она же подтверждается на эмпирическом уровне. Объяснимся.

Сопоставление тренда развития экономической теории и тренда логики, так же, как и естественно-научного и экономического мышления, не обнаруживает их полного совпадения. Однако, как это было показано ранее, если относительно названных типов научного мышления что-то более-менее ясно, то непонятно, почему не наблюдается синхронности в отношении логики? Недоумение вызвано тем, что логика, в отличие от типа мышления, консервативна и остается одной и той же для любого типа мышления, принадлежащего к одному и тому же виду. Но если логика консервативна и представляет инструмент выведения одних истин из других, то почему экономическая теория в разные периоды и у разных народов в одни и те же периоды оказывается разной? Почему нет единой экономической теории?

Обоснованность поставленных вопросов вызвана еще и тем, что не одна только логика формирует экономическое мышление. Влияет вся совокупность материальных и нематериальных, локальных и глобальных факторов и условий, которая также участвует в формировании экономического мышления, т.е. те же четыре события-фактора (город, ВГО, революция цен, бумажные деньги) оказали влияние на экономическое мышление и экономику. В результате новаций в хозяйственных/экономи-

к правильному пониманию законов логики. Поэтому для решения нашей задачи не нужно лезть в дебри истории логики. Но при этом нужно знать основные этапы развития логики, знать состояние логики на тот или иной период, когда создавалась та или иная экономическая система. Конечно, при этом следует знать автора этой системы в силу того, что вся история экономики (науки) складывается из идей (теорий), которые представляют собой несомненно продукты (творения) конкретных личностей, персон. Поэтому если в истории имеет место роль личности, то тем более велика роль личности в истории любой науки. Правда, это вовсе не означает, что следует опускаться до выяснения психофизиологических или еще каких-то аналогичных особенностей персоны. Но знать круг его идейных исканий и т.п. необходимо в той же мере, в какой необходимо знать различные аспекты состояния общества на момент жизни персоны.

¹ В развитие логики внесли свой вклад перипатетики, стоики, эпикурейцы, скептики, У. Оккам, Ф. Бэкон, Декарт, Паскаль, Спиноза, Лейбниц, Гоббс, Локк, Ньютон, Больцано, Буль, Джевонс, Юм, Беркли, Дж. Милль, Кант, Гегель, П. Порецкий, Фреге, Пеано, Рассель, Пирс, Лосский, Витгенштейн, Вейль, Пуанкаре, Гуссерль, Гильберт, Н. Васильев, Лукасевич, Чёрч, Колмогоров, Поппер, Зиновьев и многие другие.

ческих процессах, которые создали эти события-факторы, произошло изменение экономического мышления. Но влияние логики на экономическое мышление (мы имеем в виду в первую очередь экономическую науку) обнаруживается лишь с XIX в. Особенно активно оно будет действовать в XX в., когда появится экономикс и так называемые «игровые», «аналоговые», «проектные» экономики, которые как раз и формируются на основе логики. Но ни в XV в., ни в XVI в., и ни даже в XVIII в. привычной «работы» логики над экономическим мышлением и экономикой не наблюдается.

Последнее объясняется, во-первых, тем, что мышление, логика и экономика нетождественны и в целом это автономные (или, по меньшей мере, относительно автономные или самостоятельные) области человеческой жизнедеятельности. Поэтому в силу того, что законы их развития разные, они не могут совпадать, как это могло бы быть с идентичными по природе объектами. Но в силу того, что все они причастны к одному и тому же – человеку (и следовательно, содержат его в себе), то совпадение между ними имеет место. Во-вторых, в силу сказанного, а не вопреки этому, они могут развиваться самостоятельно и автономно. Следовательно, могут быть опережения одних и отставания других, они могут расходиться, следовать своим путем, но затем сходиться, сплетаться.

Обобщение эмпирических практик данного аспекта нашей проблемы указывает на то, что, во-первых, формирование устойчивых систем в логике опережает формирование таких же систем в экономике, во-вторых, основные этапы эволюции системы логики связаны не столько с пониманием задач (и функций) логики, (она везде понимается как открытия нового знания и доказательства его истинности), сколько с правилами, законами правильного вывода одних истин из других. В целом все новации за почти два тысячелетия не затрагивают основной конструкции логики – бинарности, или двужначности. Важнейшее изменение, можно сказать, тысячелетнюю революцию в логике, произведет переход от бинарной (двужначной) системы к трехзначной и далее – множественным логикам. Эти революционные преобразования, связанные с исключением закона противоречия, закона исключенного третьего, введением трех качественных форм суждения (утвердительное, отрицательное, противоречивое/неопределенное/возможное/индифферентное), введением закона исключенного четвертого и др., произошли в конце XIX- начале XX вв. и связаны с разработками Буля, Шредера, Порецкого, Рассела, Фриге, Н. Васильева, Я. Лукасевича, Ф. Полана, и других.

Эти изменения найдут свое выражение в создании и развитии преимущественно математической логики. Что касается экономики, то новации, которые произошли в логике (и связанные с математической логикой), проявились преимущественно во второй половине XX в.¹ и выражены в становлении экономики и того, что Р. Лукас назовет «аналоговой экономикой»². Правда, аналоговая, проектная экономика находится еще лишь на начальной стадии полноценной экономики и представляет в некотором смысле лишь вульгарную кальку предыдущих исследований, подсаженных на математический аппарат.

В данном случае экономика лишь допустила математику в качестве аппарата, но она не стала полноценной математической экономикой в силу того, что все еще остается в границах, очерченных бинарной системой логики, тогда как сама математика и математическая логика уже перешли к множественным логикам.

Некоторые аспекты, связанные с включением теории вероятностей, математической статистики и т.п. в экономике носят преимущественно не органический, а искусственный, поверхностный характер и затрагивают лишь отдельные «разделы» экономики, для которых трехзначность оказывается вполне приемлемой. Но в целом все здание экономики – ее постулаты, догмы, методы и проч. – все еще остается в координатной системе двужначной логики Аристотеля. Тестирование существующих экономических систем от Ф. Кенэ, А. Смита до Дж.М. Кейнса говорит о том, что все они в своей основе содержат бинарную или двужначную систему логики, с привнесенными в них отдельными элементами, модными для своего времени. По крайней мере, результаты нашего анализа показали, что ни одна из названных крупных систем экономики не вышла за пределы бинарной системы логики.

Некоторые элементы небинарной (мы не говорим ни о трехзначной, ни о многозначной – в их разновидностях) логики наблюдаются в отдельных экономических изысканиях. К ним относятся прежде всего маржиналистские системы (и все то, что сохраняет маржиналистский элемент), которые в той или иной мере выходят за пределы бинарной логики, хотя не факт, что являются прикладной логикой трехзначной или более много-

¹ Впрочем, в маржинализме (XIX в.) можно наблюдать если не основы множественной логики, то, по меньшей мере, отход от ортодоксальной бинарности.

² Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22, №1.

значной системы логик. Кроме того, к таковым (т.е. не бинарным, а многозначным) следует отнести институциональную и эволюционную экономики. В этих экономических системах наблюдается совершенно иная технология построения и совершенно иная, чем в бинарных, матрица организации экономического мышления. Но все эти системы находятся на так называемой начальной стадии, для которой в целом характерна эклектичность. Поэтому революционное развитие экономики следует связывать с переходом экономического мышления (создание экономических теорий) на трех- и более многозначные логики. *До тех пор пока не произойдет такого изменения в системе мышления, всякие изменения в технике, технологиях, сырье, рабочей силе и проч. останутся малоэффективными.* Этому учит исторический опыт развития экономики.

Итак, что дают мышление и логика экономике? Мышление представляет собой способ создания идеального образа действительности посредством абстракций. Следовательно, экономическое мышление (= экономическая наука) – создание идеального образа экономики путем абстракций. Превосходство европейцев перед всеми остальными народами в области экономики заключается в том, что они уже в последней четверти XVIII в. имели созданный путем абстракций идеальный образ экономики. Это означает, что они, во-первых, имели всю экономику («Таблица» Кенэ – первая такая модель, идеальный образ экономики в абстракциях), а не какую-то отдельную область хозяйствования (например, налоги, торговлю, мануфактуру, кредит и т.д.), во-вторых, выработали экономические понятия и категории, с помощью которых могли осуществлять анализ экономики, проводить обобщения, выявлять тенденции и причины и моделировать, т.е. разрабатывать мероприятия, определить их значимость и управлять экономикой в нужном (желательном) направлении, не уповая на так называемый объективный ход событий. Они смогли разработать экономическую политику как производную дисциплину от экономической науки, при помощи которой могли управлять экономикой, тогда как другие народы оказывались во власти капризов погоды, природы, местобитания, местоположения, запасов сырья, рабочих рук и т.п., т.е. могли лишь предчувствовать или предугадывать наступление некоторых событий, перед которыми, тем не менее, оказывались бессильными.

Значит, уровень мышления европейцев в области экономики уже со второй половины XVIII в. на порядок опережал уровень мышления других народов, которые не могли пока еще самостоятельно создать аналогичный продукт в силу отсутствия способности к экономическим абстракциям. И в этом смысле величие Петти, Кенэ, Тюрго и Смита заключа-

ется именно в том, что они ввели научные принципы мышления в экономику, научили людей мыслить экономически, а экономику функционировать по-человечески, разумно и рационально. В последующем, т.е. после Петти, Кенэ и Смита, европейская экономическая мысль (и само мышление европейцев в экономике) уже будет развиваться поступательно, т.к. самое сложное было сделано – создан идеальный образ экономики в абстракциях. Поэтому последующие поколения европейских (и американских) мыслителей (экономистов) будут заниматься частными вопросами экономики. Но в отличие от своих предков – Аристотеля, ..., Н. Барбона, Д. Норса, Д. Лоу, Б. Франклина, сэра Дж. Стюарта, П. Буагильбера, С. Вобана и большого числа анонимных и безвестных авторов, которые не оставив своих имен потомкам, оставили им свои (порой бесценные) идеи и наработки, которые выступили для Петти-Кенэ-Смита своеобразными рудокопами, добывавшими руду, последующие¹ представляют уже огранщиков, которые отшлифовывают отдельные грани и аспекты модели экономики.

Каковы перспективы развития мышления, логики и экономики, в частности западной, которая создала современное экономическое развитие и рост? В ходе предыдущего изложения, состоящего в основном из анализа истории экономики и экономической теории (мышления), мы пришли к выводу, что европейская экономика, начиная с XIX в. вырывается вперед и становится доминирующей на планете, несмотря на размеры территории европейских стран, численность населения и т.д., не в силу технического и технологического прогресса, запасов полезных ископаемых и т.д., а в силу того, что она располагала особым типом экономического мышления, который показал превосходство перед предыдущим и экономическим мышлением других стран. Но, начиная с конца того же

¹ Ж.Б. Сей, Ж. Неккер, Д. де Немур, Т. Мальтус, С. де Сисмонди, Д. Рикардо, Дж. Ст. Миль, Р. Мак-Кулох, К.Ф. Бастиа, К. Маркс, Ф. Лист, Г. Госсен, С. Джевонс, Л. Брентано, Г. Шмоллер, К. Менгер, А.О. Курно, Ф. Уикстид, В. Зомбарт, М. Вебер, М.И. Туган-Барановский, Н. Кондратьев, Л. Вальрас, Ф. Эджуорт, Ф. фон Визер, О. фон Бём-Баверк, А. Маршалл, В. Парето, К. Виксель, Г. Кассель, Б. Олин, Дж. Кларк, П. Сраффа, Д. Робертсон, Т. Веблен, И. Фишер, А. Пигу, Й. Шумпетер, К.У. Кобб, П.Х. Дуглас, Д. Робинсон, М. Фридман, В.В. Леонтьев, Р. Солоу, П. Самуэльсон, Ф. Хайек и многие другие (несколько в стороне стоит Дж.М. Кейнс, т.к. в своем основном трактате «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) он попытался дать новый идеальный образ экономики, хотя и в старых абстракциях).

XIX в.¹ европейская модель экономического мышления стала транслироваться (порой и чаще всего насильственно в виде различных моделей колониализма) и заимствоваться другими странами и народами (через университеты и программы обучения, через технические средства, через международные институты: МВФ, МБ, МБРР и др.) системно, но чаще фрагментами, «симпатичными» для правящих «элит») Таким образом, она становится универсальной, всеобщей.

Оказалось, что там, где внедрение произошло полнее и адекватнее, там результат оказался весьма значительным. Япония из аграрной патриархальной за столетие стала второй экономикой мира (хотя по так называемым базисным факторам является отнюдь не такой могущественной страной). Сингапур показал уникальность экономического развития, связанного с абсолютным отсутствием многих традиционных факторов (например, земли). Китай в новом столетии по валовым показателям обошел Японию, догоняет ЕС и США. И такие страны, как Великобритания, Франция, Германия, Голландия, в которых зарождалась и формировалась эта новая модель, несмотря на свои размеры, не теряют своих лидерских позиций, тем более, если принимать во внимание среднестатистические показатели. Множество новых стран: Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Турция, Бразилия, ЮАР, Россия, Казахстан и многие другие – так называемые страны второй/третьей волны, которые стали внедрять в национальное хозяйство европейскую модель экономического мышления и, по сути, строить национальное хозяйство на принципах европейского экономиче-

¹ Хотя первый опыт экспорта наблюдается уже в период Великих географических открытий, когда испанцы, португальцы, а затем и англичане, французы создают в своих колониях экономики, которые отличаются как от тех, что были у коренных жителей, так и от экономики метрополий. Конечно, в деталях эти модели отличаются. Так, если испанские конкистадоры формировали новые модели экономики на основе захвата вождей племен и принудительного рабского труда местного населения, то британские и французские колонизаторы, которые проявились через столетие после Конкисты и захватили Северную Америку, не богатую золотом, серебром и прочими драгметаллами, и где местные племена были малочисленными и раздробленными, формировали новую модель или новые подходы к хозяйственному освоению новых земель. В этом плане показательным является письмо одного из основателей британской колонии Джеймстаун Д. Смита, который в письме к руководителю Вирджинской компании просит прислать с новой экспедицией не солдат, а плотников, кузнецов, земледельцев и рыбаков, людей, способных прокормить себя и самостоятельно осваивать ресурсы новых территорий. Конечно, не следует забывать также и завоз рабов из Африки и многих других «нюансов» европейского открытия Америки. Но эти «нюансы» в данном случае все же лишь нюансы.

ского мышления, добиваются заметного продвижения вперед. Именно *экономическое мышление и логика постулируют следующие правила:*

- наличие огромной территории, больших запасов сырья и минеральных ресурсов, численности населения, благоприятного климата и т.д. отнюдь не гарантируют стране быть экономически развитой и социально привлекательной, т.е. быть страной с наилучшими условиями для проживания и жизнедеятельности человека. Наличие перечисленных условий является необходимым и важным, но вовсе недостаточным условием для социального прогресса и экономического развития;

- выигрывает не та страна, которая имеет большую территорию, расположена в так называемых благоприятных условиях для выращивания сельскохозяйственных культур, имеет большие запасы сырья и материалов, рабочих рук и т.п., а страна, имеющая такие сравнительные преимущества в производстве некоторого продукта (принцип Риккардо-Олина-Самуэльсона и его новая интерпретация М. Портером и др., предложившими видеть конкурентное преимущество не в первичных (нерукотворных), а во вторичных факторах)¹, которые создаются определенным соотношением земли, труда, капитала, институтов, системой национальных ценностей, причем, манипулируя этими факторами («принцип замещения»), можно получать разные результаты;

- безработица является стимулом к развитию, в отличие от полной занятости;

- повышение производства, рост национального богатства напрямую связаны не с обнищанием населения, рабочей силы, а с повышением уровня его благосостояния, уровнем образования и технического оснащения;

- спрос определяет предложение и цену (закон Курно-Маршалла);

- экономическое развитие движимо не запретами, а стимулами;

- манипулируя процентной ставкой, можно стимулировать рост и развитие;

- инвестиции выступают фактором роста и развития, затраты на инновации, в человеческий капитал окупаются сторицей;

- и т.д.

¹ Ныне во все том же европейском экономическом мышлении и логике данное положение доводится до состояния отдельных институтов. Например, в книге Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York.: Crown Publishing Group, 2012. 529 p., в которой авторы замечают (что можно назвать рефреном исследования): «Страны различаются по экономической успешности в силу различий в экономических институтах, правилах, которые определяют, как работает экономика, и стимулах, мотивирующих людей» (p. 17).

Это достижение европейской экономической науки, экономического мышления и логики. Но как быть дальше? Что будет дальше, когда многие страны (все, очевидно, не получится) внедрят у себя европейскую модель экономического мышления, (а кто не перейдет, тот «останется в каменном веке»)? Экономическое развитие притормозится? Выродится в антиразвитие¹ с переходом в глобальный планетарный кризис? Ведь уже сегодня наблюдаются симптомы торможения в европейских странах и странах, перешедших на европейскую модель мышления. Падают двузначные цифры роста, ухудшается экология, растут социальные, технологические, политические и прочие противоречия, которые бумерангом возвращаются в экономику. Не означает ли это предельность этой модели экономики, этого экономического мышления, этой экономической логики? Не подошла ли она к своеобразной черте, исчерпала свой ресурс развития? И что дальше?

Во-первых, ближайшее комплексное рассмотрение различных аспектов высказанных проблем, а не случайное сопоставление имеющихся симптомов, дает отрицательный ответ. Голландия, Англия, Франция, Германия, США внедрились почти одновременно, хотя и не одновременно, европейскую (западную) модель экономики, но при этом их экономическое развитие не остановилось. Напротив, наблюдается поступательное (не путать с линейным) развитие: рост уровня и качества жизни, развитие свободы человека, продолжительности активной жизни человека, развитие наук, культуры, искусств и т.д. В конце концов, люди мигрируют в Европу и западные страны, а не из них.

Во-вторых, эти страны выступают локомотивами мирового экономического развития, распространяя свое влияние и свою модель также и на другие регионы и страны.

В-третьих, они конкурируют между собой, являя потенциал той самой модели, которую начали формировать еще с середины прошлого тысячелетия.

Из этого мы делаем вывод не только об универсальности данной модели, ее адекватности жизнедеятельности человека на этой планете и в целом ее жизнеспособности, но еще и о наличии в ней внутренних ресурсов развития. Она способна на саморазвитие, хотя ей уже не

¹ Еще в середине прошлого столетия особой привлекательностью начала пользоваться теория предельности роста, развиваемая авторами Римского клуба.

раз предрекали скорую смерть. Это не та модель, которая оставила после себя вымершие города, поглощенные джунглями либо пустынями.

Но за счет чего и куда ей развиваться? На этот вопрос отвечаем: не за счет поглощающей внимание техники и технологии (в т.ч. современных из области информационных технологий). Не следует забывать, что не меньшее очарование, чем нынешние компьютер, интернет, смартфоны и проч., вызывали в свое время радио, телевидение, автомобиль, огнестрельное оружие и ... нож, меч, топор, огонь). Именно в мышлении и логике лежат корни, импульсы, ресурсы будущих экономик и будущего экономического развития людей и планеты. Существующая нынче модель экономики и экономического мышления в основе своей сформирована на базе аристотелевской логики. *По-видимому, новая система мышления должна строиться на неаристотелевой логике.* Примеры такой логики уже имеются. Это неклассическая логика, паранепротиворечивая логика, воображаемая логика, множественная логика и др.

Какой же должна быть логика для построения нового типа экономического мышления? Как и в других типах (и даже видах) научного мышления при конструировании нового типа экономического мышления *следует отказаться от ряда базовых положений аристотелевой логики. Прежде всего, речь идет о принципе бинарности: любое суждение может быть либо истинным, либо ложным.* Третьего, якобы, не дано. На самом деле, как показано в ряде работ,¹ это аксиоматический принцип. Он не может быть доказан и может быть принят на веру лишь бездоказательно. К тому же он в высшей степени субъективный, т.к. зависит от того признается он кем-либо или нет. Но существует еще и третье, и четвертое логическое значение. Это не истинное и не ложное, а возможное (неопределенное в интерпретации Я. Лукасевича,² или «индифферентное» Н. Васильева³, «возможное» Дж. Неймана⁴). Речь идет о том, что кроме истинных и ложных положений существуют возможные. Следовательно, речь

¹ Лукасевич Я. Об Аристотелевой силлогистике Лукасевич Я. О детерминизме // Вопросы философии. – 1995. – № 5, Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.

² «Итак, я утверждаю, что существуют высказывания, которые являются ни истинными, ни ложными, а лишь *неопределенными*. Таковы все высказывания о будущих событиях, которые в настоящее время еще неопределенны. Эти высказывания в данный момент еще не истинны, так как не имеют никакого действительного эквивалента.» Лукасевич Я. О детерминизме. С.70.

³ Васильев Н.А. Указ. соч.

⁴ Нейман Дж. Фон.

идет о построении трехзначной (многозначной) логики и построении на ее основе уже трехзначных (многозначных) теоретических систем мышления.¹

Помимо принципа бинарности, каковой мы считаем главным препятствием при переходе к новым логическим системам и который требуется «преодолеть» (он преодолевается путем перехода к трехзначной и многозначной системам логики), *следует отказаться от принципа непротиворечивости² теоретических систем*, закрепленного в законе (не)противоречия. Если отбросить этот закон, то наряду с утвердительными и отрицательными суждениями становится возможным ввести еще вид суждения, отличный от упомянутых. Этот вид суждения Н. Васильев называл индифферентным, а Я. Лукасевич неопределенным. Требуется признать допустимость противоречивых и нетривиальных логических систем. По-видимому, это позволит *разработать систему, свободную от действия закона (не)противоречия и построенную на том, чтобы в одном и том же объекте совпали бы основания для утверждения и отрицания*. (Это уже произошло с безработицей и занятостью, процентной ставкой и инфляцией и т.д.)³. Решение может быть получено на пути расширения числа значений истинности (не-ложности), которое достигается путем введения в логику «идеи бесконечности» и сосуществования «множества миров».

Отказ от принципа бинарности, полагаем, позволит пересмотреть существующий взгляд на детерминизм. Речь идет не об отказе от научной

¹ Такие логики разработаны. Аншаков О.М. и Рычков С.В. О многозначных логических исчислениях // Семиотика и информатика. – 1982. – № 19, Васильев Н.А. Указ. соч., Карпенко А.С. Развитие многозначной логики. М.: URSS/ЛКИ, 2010, Лукасевич Я. О трехзначной логике // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской философской школы. Вып. 1. СПб: Мирь, 2006, Ивин А.А. Современная логика. М, 2013 и др.

² В большинстве учебников по логике он называется «законом противоречия» и формулируется таким образом: «*Не могут быть сразу истинными два высказывания, из которых одно утверждает нечто о предмете, а другое отрицает то же самое об этом же предмете и в то же самое время*» (Асмус В. Логика. С.17). Правда, это же правило в других источниках (например, В. Бажанов) называется как «принцип (не)противоречия». В силу того, что сущностно – это идентичные/тождественные определения, формой можно пренебречь, т.к. это дело вкуса. Поэтому мы в своей работе используем и то и другое обозначение.

³ В этой связи полагаем, что та ситуация, которая произошла с кривой Филипса (достаточно подробно описанная в De Long B. America's Peacetime Inflation: The 1970s //Romer C., Romer D. (eds.) Reducing Inflation Motivation and Strategy. Chicago: University of Chicago Press, 1997) имеет не эмпирический, а логический характер.

строгости в доказательстве, а о включении в контекст экономических моделей «свободы выбора решения» экономическими агентами в любое время, а не только в начале процесса. Последнее достигается с помощью признания транзитивным отношения причинности и учета в экономике таких явлений, как счастье, долг, совесть, справедливость и т.д., придание им статуса экономических понятий и категорий.

Таким образом, следует заметить (перефразируя слова Яна Лукасевича, адресованные философии): экономику необходимо перестроить, начиная с оснований, внедрить в нее научный метод и подкрепить ее новыми многозначными логиками. Аппарат логики является инструментом для анализа и решения фундаментальных проблем экономики и проектирования новой экономики или экономики будущего. (А экономика, кстати, всегда представляет будущее, а не настоящее и прошлое.) И в этой связи, повторяем, важнейшим направлением расширения позиций экономической теории стал бы переход от бинарной (двузначной) логики, к трех- и более многозначной, отказ от принципов противоречия и исключенного третьего, создание нового аппарата.

Следует заметить, что, во-первых, общество обязано экономистам-теоретикам (иных мы, правда, не знаем) всем тем прогрессом в общественном развитии, который связан с экономическим прогрессом. По меньшей мере, в той части, который этому прогрессу обеспечила экономическая теория. Во-вторых, будущий прогресс экономического развития связан с развитием экономического мышления и логики. То есть с развитием экономической теории; отсюда следует, что кризис экономического развития (не путать с современным) связан именно с кризисом теории, с отсутствием новых теорий. Как только появляются новые экономические теории, общество выходит из кризиса и происходит экономическое развитие. Поэтому экономические теории можно и нужно интерпретировать как толчки или определенные драйвы экономического развития. В-третьих, чтобы имел место экономический рост и экономическое развитие требуется в первую голову развивать экономическую теорию.
